

ДЖАННИ
РОДАРИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

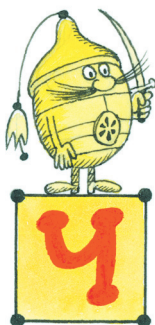
Перевод Златы Потановой
Рисунки Виктора Чижикова

#эксмогетство

Москва
2022

ГЛАВА I,

*в которой Чиполлоне
отдавил ногу принцу Лимону*

Чиполлино был сыном Чиполлоне. И было у него семь братьев: Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча и так далее — самые подходящие имена для честной луковой семьи. Люди они были хорошие, надо прямо сказать, да только не везло им в жизни.

Что ж поделаешь: где лук, там и слёзы.

Чиполлоне, его жена и сыновья жили в деревянной лачуге чуть побольше ящичка для огородной рассады. Если богачам случалось попадать в эти места, они недовольно морщили носы, ворчали: «Фу, как несёт луком!» — и приказывали кучеру ехать быстрее.

Однажды бедную окраину собрался посетить сам правитель страны, принц Лимон. Придворные ужасно беспокоились, не ударит ли луковый запах в нос его высочеству.

— Что скажет принц, когда почувствует этот запах бедности?

— Можно опрыскать бедняков духами! — предложил Старший Камергер.

На окраину немедленно отправили дюжину солдат-Лимончиков, чтобы надушить тех, от кого пахнет луком. На этот раз солдаты оставили в казармах свои сабли и пушки и взвалили на плечи огромные бидоны с опрыскивателями. В бидонах были: цветочный одеколон, фиалковая эссенция и даже самая лучшая розовая вода.

Командир приказал Чиполлоне, его сыновьям и всей родне выйти из домишек. Солдаты построили их в ряды и хорошенько опрыскали с головы до ног одеколоном. От этого душистого дождя у Чиполлино с непривычки сделался сильнейший насморк. Он стал громко чихать и не расслышал, как издали донёлся протяжный звук трубы.

Это на окраину прибыл сам правитель со свитой Лимонов, Лимонишек и Лимончиков. Принц Лимон был одет во всё жёлтое с ног до головы, а на жёлтой шапочке у него побрякивал золотой колокольчик. У придворных Лимонов колокольчики были серебряные, а у солдат-Лимончиков — бронзовые. Все эти колокольчики звенели, не переставая, так что получалась великолепная музыка. Послушать её сбежалась вся улица. Народ решил, что пришёл бродячий оркестр.

Чиполлоне и Чиполлино оказались в первом ряду. Им обоим досталось немало толчков и пинков от тех, кто напирал сзади. Наконец бедный старик Чиполлоне не выдержал и закричал:

— Назад! Осади назад!..

Принц Лимон насторожился. Это что такое?

Он подошёл к Чиполлоне, величаво переступая своими короткими кривыми ножками, и строго посмотрел на старика:

— Чего это ты кричишь «назад»? Мои верноподданные так жаждут увидеть меня, что рвутся вперёд, а тебе это не нравится, да?

— Ваше высочество, — прошептал на ухо принцу Старший Камергер, — мне кажется, что этот человек — опасный мятежник. Его нужно взять под особое наблюдение.

Тотчас же один из солдат-Лимончиков направил на Чиполлоне подзорную трубу, которою пользовались для наблюдения за возмутителями спокойствия. У каждого Лимончика была такая труба.

Чиполлоне позеленел от страха.

— Ваше высочество, — пробормотал он, — да ведь они меня затолкают!

— И прекрасно сделают, — прогремел принц Лимон. — Так тебе и надо!

Тут Старший Камергер обратился к толпе с речью.

— Возлюбленные наши подданные, — сказал он, — его высочество благодарит вас за выражение преданности и за усердные пинки, которыми вы потчуете друг друга. Толкайтесь посильнее, напирайте вовсю!

— Но ведь они и вас самих, чего доброго, с ног сшибут, — попытался возразить Чиполлино.

Но сейчас же другой Лимончик направил на мальчика подзорную трубу, и Чиполлино счёл за лучшее скрыться в толпе.

Сначала задние ряды напирали на передние не слишком сильно. Но Старший Камергер так свирепо поглядывал на нерадивых, что в конце концов толпа заволновалась, как вода в кадушке.

Не выдержав напора, старый Чиполлоне завертелся кубарем и нечаянно наступил на ногу самому принцу Лимону. Его высочество, на ногах у которого были изрядные мозоли, сразу увидел все звёзды небесные без помощи придворного астронома. Десять солдат-Лимончиков кинулись со всех сторон на несчастного Чиполлоне и надели на него наручники.

— Чиполлино, Чиполлино, сынок! — звал, растерянно оглядываясь по сторонам, бедный старик, когда его уводили солдаты.

Чиполлино в эту минуту находился очень далеко от места происшествия и ничего не подозревал, но зеваки, сновавшие вокруг, уже всё знали и, как бывает в подобных случаях, знали даже больше того, что было на самом деле.

— Хорошо, что его вовремя схватили, — говорили досужие болтуны. — Вы только подумайте, он хотел заколоть его высочество кинжалом!

— Ничего подобного: у злодея пулемёт в кармане!

— Пулемёт? В кармане? Быть этого не может!

— А разве вы не слышите стрельбы?

На самом деле это была вовсе не стрельба, а треск праздничного фейерверка, устроенного в честь принца Лимона. Но толпа так перепугалась, что шарахнулась во все стороны от солдат-Лимончиков.

Чиполлино хотел было крикнуть всем этим людям, что в кармане у его отца не пулемёт, а только небольшой окуроч сигары, но, подумав, решил, что болтунов всё равно не переспоришь, и благоразумно промолчал.

Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть, — это потому, что у него на глаза навернулась большущая слезища.

— Назад, глупая! — прикрикнул на неё Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь.

Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась.

* * *

Короче говоря, старого Чиполлоне приговорили к тюремному заключению не только на всю жизнь, но и на много-много лет после смерти, потому что при тюрьмах принца Лимона были и кладбища.

Чиполлино добился свидания со стариком и крепко обнял его:

— Бедный ты мой отец! Тебя засадили в катажку, как преступника, вместе с ворами и бандитами!..

— Что ты, что ты, сынок, — ласково перебил его отец, — да ведь в тюрьме полным-полно честных людей!

— А за что же они сидят? Что плохого они сделали?

— Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру.

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона всё наоборот: воры и убийцы у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином, — заявил Чиполлино, — но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного, я вернусь сюда и всех вас освобожу!

— Не слишком ли ты на себя надеешься? — улыбнулся старик. — Это дело нелёгкое!

— А вот увидишь. Я своего добьюсь.

Тут явился какой-то Лимонишка из стражи и объявил, что свидание окончено.

— Чиполлино, — сказал на прощание отец, — теперь ты уже большой и можешь сам о себе подумать. О твоей маме и братишках позаботится дядя Чиполла, а ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму.

— Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что.

— Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба — старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, которые имеют власть.

— А потом? Что мне потом делать?

— Сам поймёшь, когда придёт время.

— Ну пошёл, пошёл, — прикрикнул Лимонишка, — довольно болтать! А ты, оборвыш, держись подальше отсюда, ежели не хочешь сам попасть за решётку.

Чиполлино ответил бы Лимонишке насмешливой песенкой, да подумал, что не стоит попадать за решётку, пока не успеешь как следует взяться за дело. Он крепко поцеловал отца и убежал.

На следующий день он поручил свою мать и семерых братьев заботам доброго дяди Чиполлы, которому повезло в жизни чуть-чуть больше, чем остальным родственникам, — он служил где-то привратником.

Попрощавшись с дядей, матерью и братьями, Чиполлино завязал свои вещи в узелок и, нацепив его на палку, пустился в путь. Он пошёл куда глаза глядят и, должно быть, выбрал верную дорогу.

Через несколько часов добрался он до маленькой деревушки — такой маленькой, что никто даже не потрудился написать её название на столбе или на первом доме. Да и дом-то этот был, собственно говоря, не дом, а какая-то крохотная конурка, которая годилась разве что для таксы. У окошечка сидел старик с рыжеватой бородкой; он грустно поглядывал на улицу и, казалось, был чем-то очень озабочен.

ГЛАВА II

*Как Чиполлино заставил кавалера Помидора
заплакать в первый раз*

— Яденька, — спросил Чиполлино, — что это вам взбрело в голову забраться в этот ящик? Хотел бы я знать, как вы из него вылезете!

— О, это довольно легко! — отвечал старичок. — Вот войти гораздо труднее. Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, мальчик, и даже угостил бы стаканчиком холодного пива, но здесь вдвоём не поместишься. Да, правду сказать, у меня и ничего нет.

— Ничего, я пить не хочу... Так это, значит, ваш дом?

— Да, — отвечал старик, которого звали кум Тыква. — Домик, правда, тесноват, но, когда нет ветра, тут неплохо.

Надо сказать, что кум Тыква только накануне этого дня закончил постройку своего дома. Чуть ли не с самого детства мечтал он о том, что у него будет когда-нибудь собственный домик, и каждый год покупал по одному кирпичу для будущей постройки.

Но только, к сожалению, кум Тыква не знал арифметики и должен был время от времени просить сапожника, мастера Виноградинку, посчитать за него кирпичи.

— Посмотрим, — говорил мастер Виноградинка, почёсывая затылок шилом. — Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя семнадцать кирпичей.

— А как ты думаешь, хватит этого на дом?

— Я бы сказал, что нет.

— Как же быть?

— Это уж твоё дело. Не хватает на дом — сложи из кирпичей скамеечку.

— Да на что же мне скамеечка! Скамеечек и без того в парке много, а когда они заняты, я и постоять могу.

Мастер Виноградинка молча почёсывал шилом сначала за правым ухом, потом за левым и уходил в свою мастерскую.

А кум Тыква думал-думал и в конце концов решил работать побольше, а есть поменьше. Так он и сделал.

Теперь ему удавалось покупать по три, а иной раз и по четыре кирпича в год.

Он стал худым, как спичка, зато груда кирпичей росла.

Народ говорил:

«Посмотрите-ка на кума Тыкву! Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм».

Так шёл год за годом. Наконец наступил день, когда кум Тыква почувствовал, что становится стар и не может больше работать.

Он снова пошёл к мастеру Виноградинке и сказал ему:

— Будь так добр, посчитай мои кирпичи.

Мастер Виноградинка, захватив с собой шило, вышел из мастерской, посмотрел на груды кирпичей и начал:

— Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя теперь сто восемнадцать штук.

— Хватит на дом?

— По-моему, нет.

— Как же быть?

— Не знаю, право, что тебе сказать... Построй курятник.

— Да у меня ни одной курицы нет!

— Ну так посели в курятнике кошку. Знаешь, кошка — зверь полезный. Она мышей ловит.

— Это-то верно, но ведь кошки у меня тоже нет, а правду сказать, и мыши ещё не завелись. Не с чего, да и негде...

— Чего же ты от меня хочешь? — засопел мастер Виноградинка, ожесточённо почёсывая затылок шилом. — Сто восемнадцать — это сто восемнадцать, ни больше ни меньше. Так ведь?

— Тебе виднее — ты арифметике учился.

Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку.

«Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пущу в ход бумагу».

Он клал их один на другой так бережно, будто они были стеклянные. Он-то хорошо знал, чего стоит каждый кирпичик!

— Вот это, — приговаривал он, взяв один из кирпичей и поглаживая его, словно котёнка, — это тот самый кирпич, что я раздобыл десять лет тому назад к Рождеству. Я купил его на те деньги, что припас на курицу к празднику. Ну, курятиной

я полакомлюсь потом, когда кончу свою постройку, а пока обойдусь и без неё.

Над каждым кирпичом он испускал глубокий-преглубокий вздох. И всё же, когда кирпичи кончились, у него осталось в запасе ещё очень много вздохов, а домик вышел крохотный, как голубятня.

«Кабы я был голубем, — думал бедный Тыква, — мне было бы здесь очень, очень уютно!»

И вот домик был совсем готов. Кум Тыква попытался было в него войти, но угодил коленом в потолок и чуть не обрушил всё сооружение.

«Стар я становлюсь и неуклюж. Надо быть поосторожнее!»

Он стал на колени перед входом и, вздыхая, вполз внутрь на четвереньках. Но тут обнаружились новые затруднения: нельзя встать без того, чтобы не пробить головой крышу; нельзя растянуться на полу, потому что пол слишком короток, а повернуться на бок невозможно из-за тесноты.

Но главное, как быть с ногами? Если ты залез в домик, то надо втянуть внутрь и ноги, а то они, чего доброго, промокнут под дождём.

«Вижу, — подумал кум Тыква, — что мне остаётся только жить в этом доме сидя».

Так он и сделал. Он уселся на пол, осторожно переводя дух, и на лице его, показавшемся в окошечке, было выражение самого мрачного отчаяния.

— Ну, как ты себя чувствуешь, сосед? — полюбопытствовал мастер Виноградинка, высунувшись из окна своей мастерской.

— Спасибо, недурно!.. — со вздохом ответил кум Тыква.

— А тебе не узко в плечах?

— Нет, нет. Ведь я строил дом как раз по своей мерке.

Мастер Виноградинка почесал, как всегда, шилом затылок и что-то пробормотал непонятное. А между тем со всех сторон собирался народ, чтобы поглазеть на домик кума Тыквы. Примчалась и целая орава мальчишек. Самый маленький вспрыгнул на крышу домика и стал приплясывать, распевая:

*Как у Тыквы-старика
В кухне правая рука,
В спальне левая рука,
Если ноги
На пороге,
Нос — в окошке чердака!*

— Осторожней, мальчики! — взмолился кум Тыква. — Эдак вы мне дом обрушите — он ведь ещё такой молоденький, новенький, ему и двух дней нет!

Чтобы задобрить ребят, кум Тыква вытащил из кармана горсть красных и зелёных леденцов, которые завалялись у него уж и не знаю с каких времён, и роздал их мальчикам. Те с радостным визгом схватили леденцы и сейчас же передрались между собой, деля добычу...

С этого дня кум Тыква, как только у него заводилось несколько сольдо, покупал конфеты и клал их на подоконник для ребят, словно хлебные крошки для воробьёв.

Так они и подружились.

Иной раз Тыква разрешал мальчикам по очереди влезать в домик, а сам зорко поглядывал снаружи, как бы они не наде-
лали беды.